

Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути

Рецензия на книгу А.А. Иерусалимской «Мощевая балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути».

(Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2012.

384 с. с иллюстрациями. Тираж 1 000 экз.)

Из Санкт-Петербурга мне прислали в подарок книгу «Мощевая балка». В ней рассматриваются материалы из знаменитого и широко известного аланского могильника в ущелье реки Большая Лаба.

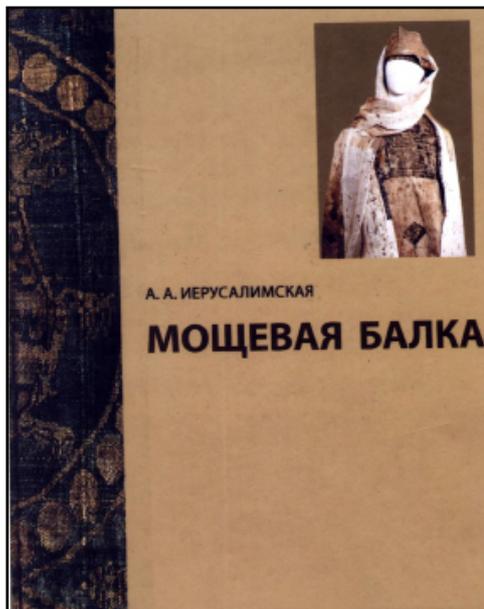
Почти в детективном русле повествуется история открытия и изучения этого памятника. Перед нами проходит плеяда выдающихся исследователей. Это Н.И. Веселовский, И.А. Орбели, А.А. Иесен, Б.Б. Пиотровский, Л.Т. Гюзальян, А.В. Банк, К.В. Тревер, В.Г. Луконин и др.

Автор отдает дань благодарности В.Б. Ковалевской

и В.А. Кузнецову – безусловным корифеям археологического изучения алан. Немало способствовал изданию этой книги и директор Эрмитажа – М.Б. Пиотровский.

Несомненно, что в почетном ряду известных исследователей истории и культуры Кавказа, в частности истории предков осетин-алан, находится и автор книги – Анна Александровна Иерусалимская – сотрудник Государственного Эрмитажа со стажем работы в этом мировом храме науки, культуры и искусства более шестидесяти лет. Все это время она посвятила изучению древностей Северного Кавказа, популяризации знаний о древней истории Кавказа, его связей с окружающим миром при помощи устройства выставок, экспозиций, чтения докладов на конференциях и симпозиумах, публикации статей, издания монографий.

Отдавая должное всем категориям материальной культуры алан, Анна Александровна исключительно внимание сосредоточила на текстиле – на привозных с Востока шелках. Изучение образцов восточных тканей позволило автору четко обозначить пути исхода и следования шелковых тканей по Северному Кавказу т. е. Северокавказский вариант Великого шелкового пути.

Стремление разобраться в культуре производства шелка, организации доставки его в отдаленные части Азии и Европы, путей следования, распространения и прочее заставило Анну Александровну основательно изучить технологию шелкоткацкого производства, основы и приемы окраски и декора этих уникальных произведений человеческих рук. Впрочем, уникальными оказались не только ткани, но и прочие предметы погребального инвентаря из Мощевой балки. Но очень часто они не единственные в своем роде, ибо есть у них аналогии в других аланских памятниках. Правда,

абсолютных аналогий (это только в машинном производстве появляются эдакие технические клоны одного и того же изделия) у них нет.

Мы с удовольствием отметили, что среди древностей Мощевой балки обнаруживаются предметы почти такие же, как в катакомбах Даргавса: такие же деревянные черпаки или ковши с плоской вертикальной ручкой, деревянные рукоятки тёсел, перламутровые диски с вырезанными концентрическими кольцами или же в виде лепестков цветка, лесные и грецкие орехи, деревянные шкатулки и чаши, косметические кисточки, ложки-цедилки, самшитовые гребни. А коробочки-пеналы как будто взяты из осетинских святилищ и склепов, такие еще совсем недавно, до начала XX века, были в осетинских домах как хранилища «бусин счастья» – «цыкурайы фæрдыг».

Так же, как и в катакомбах Даргавса, в погребениях Мощевой балки начисто отсутствуют деформированные черепа, так как к VIII–IX вв. этот способ выделения знати исчезает. Погребения в Мощевой балке совершены по каноническому у алан обряду – и мужчины и женщины уложены головами влево от входного проема, при этом мужчины – вытянуто, на спине, а женщины – в позе спящей на правом боку с согнутыми в ко-

ленях ногами. И соответствий было бы намного больше, если бы не влажный грунт Даргавских катакомб. Именно хорошая сохранность предметов из органики позволяет считать комплексы из Мощевой балки наиболее полными из всех известных нам аланских погребальных памятников, и это при том, что многие погребения там были ограблены.

Наиболее интересными, по мнению автора монографии, и это безусловно верно, оказались остатки тканей – фрагменты одежды, туалетные принадлежности и др. Ткани оказались привозными – одни изготовлены на Востоке, другие в Византии. И Анна Александровна раскрывает перед нами величественную картину не только Великого шелкового пути – этой древней жизненно важной торговой артерии, прочно связывавшей многие народы в некие более высокие, чем торгово-меновые, отношения. Благодаря шелку народы вступали в тесные взаимоотношения – дружеские, политические, торговые, дипломатические, конфессиональные вплоть до заключения династических браков.

Особо сосредоточилось внимание автора на северокавказском отрезке шелкового пути. До чего только Анна Александровна не дошла: от хронологического аспекта до общекультурного. При этом автор иллюстрирует свое исследование не только красочными предметами аланской культуры, но и замечательными образцами византийского производства. Удалось не только восстановить многие сюжеты рисунков на византийских тканях, но и то, что вызывает преклонение перед способностью проникать в суть дела, – определить составы красителей ткани. Последнее было выполнено сотрудниками химической лаборатории Эрмитажа.

Читатель узнает о византийских центрах шелкоткачества, получавших сырье с Востока по Великому шелковому пути, где шелковые ткани изготавливали по персидским образцам и с христианской иконографией. Безусловно, эти шелка чуть-чуть уступали восточным, но в них была большая нужда как для экспорта, так и для дипломатических даров. Видимо, поэтому образцы таких тканей, хотя бы в виде амулетных мешочков, представлены в северокавказских погребениях, в том числе и в рядовых.

Увлекателен в книге и сюжет о влиянии восточных образцов одежды из шерстяной ткани на построй женской одежды алан и адыгов.

Но наиболее широкий ассортимент шелковых изделий, попавших в погребения Северного Кавказа, происходит из Средней Азии. Это со-

гдийские ткани. Автором установлены размеры не только ткацких станков, но и выпускаемых отрезков тканей.

Интересен раздел о китайских шелках. Оказалось, что так называемые «китайские шелка» не обязательно бывали вытканы в самом Китае: их ткали в китайских диаспорах Восточного Туркестана. По этой причине точное место изготовления найденных в Мощевой балке шелков дальневосточного производства до сих пор еще не определено.

Ткани тканями, но вопрос об одежде из этих тканей – это уже ближе к этническим проблемам, и в четвертой главе книги анализируются головные уборы, плечевая одежда, обувь. Окончательный вывод автора по поводу элементов одежды – это связь с иранским миром. В том числе с аланами, что подтверждается этнографическими данными осетин о головных уборах и верхней плечевой одежде. Что касается обуви, то здесь не все ясно, но типично осетинские арчита из цельного куска кожи, кажется, достаточно четко сигнализируют о их явном происхождении от кожаных образцов обуви из могил Мощевой балки.

В книге еще много интересных моментов, и читается она как детектив, т. е. с повышенным вниманием. Повествование о находках, догадках и озарениях весьма красочно.

Следует отметить, и это очень важно, что автор не покушается на монополию методов, приемов и итогов исследований: всегда указан использованный другими исследователями опыт и сделанные выводы.

Оформление книги красочными иллюстрациями – еще одно достоинство книги. Кроме того, читатель найдет в книге достаточно обширную библиографию.

Одним словом, замечательный, трудно переоценимый подарок получил не только я, но и мои коллеги – исследователи древностей Кавказа и аланов, не говоря уже о широкой массе читателей. Одно плохо: книга издана ничтожно малым тиражом – всего одна тысяча экземпляров. Поэтому стоило бы ее переиздать. Она пойдет на расхват.

И в заключение: как славно быть автором такой книги.

Р.Г. Дзамтуаты,
д. и. н., ведущий научный сотрудник
СОИГСИ им В.И. Абаева, заслуженный
деятель науки Республики Северная Осетия-
Алания и Республики Южная Осетия.